

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры культурыологии и религиоведения Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
n.drannikova@narfu.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКА О РАЗРУШЕНИИ И ОСКВЕРНЕНИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Цель статьи – исследовать особенности культурной памяти жителей г. Архангельска о разрушении православных культовых объектов в устной и письменной традиции, выявить основные значения и объяснения этих событий, проанализировать влияние современных форм реализации памяти на коллективные представления и их трансляцию в городском дискурсе. Исследование выполнено в русле антропологического подхода. Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. Религиозные нарративы являются частью современной культурной памяти жителей г. Архангельска. Их анализ свидетельствует о том, что в культурной памяти местного сообщества они находятся на ее периферии и заменены ценностями советского периода, но появление новых культовых объектов актуализировало потребность части местного сообщества в получении информации об истории архангельских храмов.

Ключевые слова: культурная память, научные публикации, краеведческий дискурс, религиозный нарратив, святотатство, Божья кара, массовые представления, коммуникативная память

Для цитирования: Дранникова Н. В. Культурная память жителей Архангельска о разрушении и осквернении культовых сооружений в советский период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 6. С. 100–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.522

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – исследовать феномен культурной памяти жителей г. Архангельска о деформации объектов православной истории города; задачи исследования: выявить основные культурные значения и интерпретации событий, связанных с периодом гонения на Православную Церковь местного сообщества, проанализировать влияние современных форм реализации памяти о разрушении и осквернении культовых сооружений на коллективные представления и их трансляцию в современной фольклорно-речевой практике. Исследование выполнено в русле антропологического подхода.

В статье мы пользуемся термином «культурная память». Основоположниками ее изучения являются М. Хальбвакс [27], П. Нора [18], Я. Асманн [2]. В понятие «культурная память» Я. Асманн включает память о прошлом, письменную культуру и культурно-политическую идентичность, осуществляющуюся посредством ритуалов. Культурно-политическая идентичность – это осознание принадлежности человека к той или иной культурной общности путем самоотождествления с ее культурными образцами. По-

средством культурно-политической идентичности происходит передача базовых смысловых структур из поколения в поколение. Культурная память, в отличие от коммуникативной, направлена на определенные, фиксированные моменты в прошлом: «прошлое... сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [2: 54]. Культурная память для Я. Асманна сакральна, она мифологизируется и объективируется в различных формах: текстах и коммеморативных практиках [2].

П. Нора вводит понятие «места памяти», которые обеспечивают единство сообщества. Это памятники (культуры и природы), праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, ритуальные речи и пр. П. Нора позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, а также переосмыслить проблемы культурной памяти [18].

В разное время прошлое имеет разный статус. Мы исходим из того, что оно неустойчиво. Оно зависит от настоящего. Воспоминания носят социальный характер и зависят от того, к какой группе мы принадлежим. В своем исследовании мы основывались на междисциплинарном принципе. Одним из методов, использованных нами, является

метод устной истории. Устные источники, писал А. Портелли, «доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий» [23: 39].

***

История православной церкви в Новое и Новейшее время трагична. В ней были как периоды разрушения, потаенного существования, так и реконструкции. В г. Архангельске существуют различные формы реализации памяти об истории церкви (музеи, памятники, праздники, кинофильмы, книги, статьи, фольклорно-речевая традиция и др.). Когда исследуется локальная история, то имеет значение история каждого отдельного храма (строительство, жизнь прихода, судьбы людей, посвятивших себя церкви, разрушение или осквернение храма и судьбы людей, пострадавших за веру). У историков такой подход называется «микроисторическим» [13]. История при таком подходе сближается с антропологией, для которой важны люди.

Устная повествовательная традиция является частью культурной памяти. О том, как происходит формирование устного исторического нарратива, пишет С. Ю. Неклюдов [17].

В своем исследовании мы использовали следующие прикладные методы: метод включенного наблюдения, который позволил проводить полевое изучение в естественной среде и повседневных жизненных обстоятельствах для респондентов, интервьюирование, запись устных высказываний. Сбор данных осуществлялся с помощью вопросника с открытыми вопросами, а также в виде устных и письменных интервью и бесед. С этой целью с 2015 по 2020 год нами проводились глубинные интервью с жителями г. Архангельска. Для поиска информантов применялся метод «снежного кома». В задачи исследования входило выяснение знаний и представлений о периоде гонения на православную церковь различных групп населения г. Архангельска и интерпретация ими этих событий. Мы беседовали с людьми, имеющими разное мировоззрение, их знания и представления варьировались. Мы выделили четыре группы населения по степени самоидентификации и причастности к жизни церкви: 1) воцерковленные жители г. Архангельска, 2) жители города, интересующиеся его историей и культурой, 3) не связанные с жизнью церкви и не интересующиеся историей города, 4) неофиты, переехавшие недавно в город. За время исследования было опрошено 150 жителей г. Архангельска в возрасте от 17 до 90 лет. Среди респондентов преобладали женщины, мужчины

составили одну четвертую часть всех опрошенных (37 человек). Некоторые из респондентов согласились ответить на вопросы только анонимно. Группа в возрасте до 20 лет составила 50 человек, 20–50 лет – 60 человек, 60–90 лет – 40 человек. В процессе исследования использовался анализ архивных документов, письменных источников – текстов интервью, рукописных свидетельств из личных архивов информантов. Все материалы хранятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета, фонд 38.

В начале XX столетия облик Архангельска формировали главным образом соборы и церкви. В городе находилось 34 культовых сооружения (храмы, монастыри, часовни). От улицы Архиерейской (ныне улица Урицкого) и до Соломбалы вдоль реки Северной Двины тянулась череда храмов, представляющих собой единый ансамбль. Его центрами были Михайло-Архангельский монастырь и Свято-Троицкий кафедральный собор¹. Двухэтажный Свято-Троицкий кафедральный собор, построенный в византийском стиле, являлся архитектурной доминантой Архангельска. Он был ориентиром для кораблей, входивших в архангельский рейд, культурным и духовным центром жизни горожан.

После 1917 года советская власть развернула борьбу с церковью². Разрушение храмов и монастырей приобрело массовый характер: в этот период в Архангельске погибла большая часть культовых сооружений [21: 6–7, 10]. Из 34 храмов 17 были разрушены, 11 национализированы. Они были превращены в спортзалы, клубы, общежития и пр., в 1930-е годы в них проживали спецпереселенцы (раскулаченные крестьяне), высланные в Северный край.

Важным фактором создания исторического образа места является официальная историография: научные, образовательные, краеведческие тексты. Они оказывают влияние на конструирование местной истории. О судьбе архангельской церкви в советский период истории существуют как секулярные, так и православные публикации. Борьбе новой власти с религией и разрушению культовых сооружений в Архангельской области (Северном крае) посвящены исследования, появившиеся в постперестроечный период истории: Ю. В. Дойкова [22], Н. А. Едовиной [1], Ю. П. Бардилевой [3], А. Козарика [24] и др. Архангельскую и соловецкую фольклорно-речевую традицию об архангельских православных объектах исследовала в своих работах Н. В. Дранникова [10], [11], [12].

Помимо профессиональных исследований, на формирование образа места оказывают влияние публикации и выступления в СМИ, относящиеся к различным периодам времени. Обратимся к анализу источников и статей 1920–1930-х годов как одной из форм сохранения памяти. С 1920 года все храмы в стране стали принадлежать государству. В 1925 году был создан Союз воинствующих безбожников, начали издаваться журналы «Безбожник» и «Антирелигиозник». В них было опубликовано несколько статей, посвященных борьбе с религией в Архангельской области. Стилистику советских статей и выступлений 1920–1930-х годов А. Юрчак назвал идеологическим дискурсом. Антирелигиозные статьи, изданные в Архангельске, соответствуют этому определению [19]. Их содержание наполняют пропагандистские штампы, они носят уничижительный характер по отношению к представителям церкви. Периодическая печать 1928 года называет главными задачами антирелигиозной работы преодоление роста влияния православного духовенства на население деревень, для этого церкви стремились заменить избами-читальнями³. В 1928 году в «Антирелигиознике» сообщалось о вскрытии мощей, о закрытии и переоборудовании многочисленных культовых сооружений на Европейском Севере России⁴.

Прошлое имеет разный статус в разное время. Северный край превратился в регион, где антирелигиозная работа велась очень активно. В 1932 году в стране была объявлена «Безбожная пятилетка» [30]. Архангельск активно включился в ее выполнение. Информация об этих событиях сохранилась в различных архивах Архангельской области⁵. В 1930 году в здании бывшего храма Рождества Христова был создан Антирелигиозный музей, местные власти регулярно организовывали конференции и семинары Союза воинствующих безбожников, повсеместно читались доклады о методике индивидуальной антирелигиозной работы⁶.

Символическое значение для города приобрел разрушенный в 1929 году Свято-Троицкий кафедральный собор. Язык статей, посвященных необходимости его разрушения, выполняет функцию формирования нового сознания. Они написаны в духе воинствующего атеизма. В 1928 году в областной газете «Волна» публикуется заметка «Построим дом культуры на месте кафедрального собора»⁷. Она посвящена предстоящему открытию Дома культуры на месте Свято-Троицкого кафедрального собора. Ее автор противопоставляет старую культуру новой, для этого он использует инвективу («уродовать»,

«архиерейский могильник», «Очаг дурмана» и др.), сниженную лексику («Собор свое отжил», «...колокола намозолили глаза», «...нам дороже хороший клуб, чем угрюмые своды архиерейского могильника») и новые языковые формы («Рабочьте Октябрьскую площадь постройкой Дома культуры!»)⁸ и др. С этой же целью в газете были опубликованы письма трудящихся (рабочих различных заводов, вагоновожатых, надсмотрщиков, мастеров электроцехов и др.), требующих снести здание собора. Будущий Дом культуры, по мнению власти, должен был стать одним из самых больших сооружений в городе и «вместить в себя театр, цирк, кино, библиотеку, прочее», поэтому под него планировалось отвести лучшее место. Таким местом, заявляла газета, «надо считать Октябрьскую площадь (бывшую Соборную. – Н. Д.)... которое уродовал неуклюже стоящий собор»⁹.

В СССР создается новый идеологический ритуал – перечисление однодневного заработка на строительство Домов культуры, которые создавались на месте храмов. Статья «Сотни рабочих за ДК» наделяет этот ритуал перформативностью – она посвящена почину работников Архсоюза, перечисливших однодневный заработок в фонд постройки Дома культуры. Статья заканчивалась вопросом: «Кто следующий?»¹⁰.

Среди всех публикаций, посвященных судьбе собора, только статья краеведа А. Попова отставляет необходимость его сохранения¹¹. Ее автор обладает широким культурным кругозором, он хорошо знает историю Архангельска, является верующим человеком. В 1937 году он был репрессирован за свои взгляды. В статье А. Попов пишет о падении роли культуры в Архангельской области, о том, что музеи потеряли значение для развития региона, что разрушены и уничтожены предметы искусства, а уникальная культура Архангельской области перестала изучаться. Несмотря на заявление, сделанное в 1928 году Главным управлением научными, научно-художественными и музеиними учреждениями Архангельскому Губернскому исполнительному комитету о необходимости сохранения здания Свято-Троицкого храма, он был разрушен. Обращает на себя внимание тот факт, что решение о сносе собора было принято еще до опубликования Постановления ВЦИК и СНК о религиозных объединениях, вызвавшее массовое закрытие храмов по всей стране¹². Решение было связано с особым идеологическим статусом Архангельска как центра Северного края и советского города-порта¹³. Весной 1929 года храм был разобран. По заданию краеведческого музея «разбираемый» кафедраль-

ный собор фотографировал профессиональный фотограф Б. Ф. Оттлие, за что он был арестован в 1937 году. При аресте у него было изъято более двух тысяч фотографий¹⁴.

Современная фольклорно-речевая традиция является частью культурной памяти. Она включает в себя устные рассказы о разрушении и осквернении святыни в советское время, вызванных борьбой с религией [15]. Культурному пространству провинциальных российских городов посвящены исследования Н. Н. Габдуловой [5], И. А. Разумовой [8], А. С. Давыдовой [6], [7], А. А. Литягина, А. В. Тарабукиной [14] и др.

Наиболее полные ответы среди опрошенных нами дали респонденты, которых мы отнесли ко второй возрастной группе – в возрасте от 20 до 50 лет, в первую очередь те из них, кто интересовался историей края и города – работники музеев, библиотек, учителя, краеведы, информацию они в основном почерпнули из книг, СМИ, лекций и экскурсий. Этих респондентов по их интересам и мировоззрению мы отнесли к первой и второй группам. Образование в этой возрастной группе не является показателем, так как многие из опрошенных имели филологическое образование, но глубина их ответов оказалась разной.

Разрушение святыни, по традиционным представлениям, являлось одним из самых страшных грехов, за которым неминуемо следовало наказание. Подобные рассказы носят ярко выраженный дидактический характер. Сюжет о наказании за непочтание святыни в современной устной религиозной прозе имеет общероссийское распространение [4], [9], [15], [16], [20], [25], [26], [28], [29].

Все респонденты знают о произошедших событиях из печатных источников, лекций и уроков и, в меньшей степени, со слов старшего поколения. Никто из них не является свидетелем разрушения и осквернения храмов. Некоторые из опрошенных нами архангелогородцев говорили, что, когда происходило разрушение здания Свято-Троицкого собора, люди, ломавшие его, долго не могли сдвинуть с места купола собора, как будто им мешала сделать это какая-то сила. Некоторые из горожан утверждали, что во время разрушения были слышны непонятные стоны, крики, плачи:

«Говорят, что когда разрушали Троицкий кафедральный собор, то купола долгое время не сдвигались, словно их держал кто-то. Не знаю, правда или нет, но говорили, что те, кто участвовал в уничтожении собора, в скором времени умерли, да не просто так, а в муках» (Ж., 76 л., ф. 38, л. 40).

В этих рассказах сохраняется элемент чудесного вмешательства высших сил в деяния людей. В подобных легендах мотив наказания за непочтание святыни выполняет сюжетообразующую функцию, и осквернение святыни, по мнению респондентов, не может остаться безнаказанным. Эти рассказы выполняют дидактическую и меморативную функции. В них в редуцированном виде сохранился мотив кары Божьей и возмездия.

Часто, отвечая на наш вопрос, респонденты говорили, что слышали информацию о наказании святотатцев, но не знают, с каким храмом она связана, и не помнят, кто им рассказывал об этом: «Слышала или читала, что такие люди теряли себя, болели, умирали рано или сходили с ума» (Ж., 45 л., ф. 38, л. 5). Чаще всего такие ответы давали воцерковленные респонденты.

К текстам с функцией маркировки городского пространства относятся и устные рассказы о «нечистоте» места, на котором стоял Свято-Троицкий собор. Места, на которых находятся храмы и монастыри, обычно имеют положительную маркировку, но когда храм подвергается разрушению, то место, на котором он стоял, приобретает в народной традиции отрицательную оценку. Представление о его «нечистоте» образует единое семантическое поле с запретами на строительство дома на месте пожарища, кладбища, развязке дорог и др., существующими в традиционной культуре. Это представление переносится и на здание, построенное на месте бывшего храма или монастыря. В 1931 году на фундаменте собора и из его кирпичей был построен Архангельский театр драмы имени М. В. Ломоносова. До последней перестройки здания драматического театра в нем были сохранены стены собора со стороны набережной Северной Двины.

Ср.: «Место, на котором стоит сейчас Театр драмы, считается проклятым, “нечистым”, так как во времена советской власти здесь была разрушена церковь» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 51); «“Нечистым” местом свойственно считать Театр драмы имени М. В. Ломоносова. Он был построен на месте Троицкого собора, который был разрушен специально для строительства театра. Поэтому считается, что этот театр всегда будут преследовать неудачи. И некоторые считают, что это предсказание сбывается» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32); «Кафедральный собор был один из лучших в Европе. А на его месте сейчас всякие неприятности происходят, там ничего не держится» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32).

Данные тексты передают типовые мифологизированные представления жителей Архангельска о пространстве своего города. И в этом смысле в них прослеживается связь с традиционными деревенскими мифологическими рассказами. Ответы о «нечистоте» места, на котором находился

разрушенный Свято-Троицкий собор, дали как воцерковленные, так и невоцерковленные жители города, не будучи верующими людьми, последние сохранили традиционное речевое поведение.

Один из респондентов, объясняя нам, почему нельзя строить новые здания на месте бывших храмов, привел в ответ пословицу: «Свято место пусто не бывает», – и объяснил ее значение тем, что «святое место сохраняет свою энергию» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 51). Дополнительную сакральность храму, по представлениям респондентов, придает мифологический сюжет о том, что место для его строительства было выбрано Петром I во время одного из его приездов в г. Архангельск. Петр I трижды приезжал в Архангельск: в 1693, 1694 и 1702 годах.

Места, на которых стояли храмы, в традиционной культуре противопоставляются обычным. Но только часть наших респондентов считает, что на этой территории нельзя заниматься «мирскими делами (большой риск на таких местах жить или заниматься мирскими делами)» (Ж., 31 г., ф. 38, л. 50).

В общественной памяти существуют свои механизмы отбора, редукции и компрессии материала и его проекций. Матрицы общественного сознания имеют мифологический генезис воспоминания [17]. Чем больше отдаляется событие во временном отношении, тем больше оно подвержено мифологизации. Респонденты, имеющие образование и религиозные убеждения, на вопрос о наказании святотатцев говорили, что наказанием за отношение к церкви в советский период является судьба страны в XX веке, которая привела ее к разрушению:

«Деяния советской власти до сих пор не признаны преступными... Наказанием является сама история нашей страны. Мы пережили духовное помрачение, последствия которого не изжиты до сих пор...» (Ж., 48 л., ф. 38, л. 53).

Данные информанты считают, что идеология советской власти оторвала русских от своей культуры и национальной истории, в отличие от других респондентов, они имеют образование и хорошо знают историю страны:

«Они оторвали нас от своего русского наследия, формировавшегося столетиями и оказавшегося выброшенным за борт, в том числе и советской историографией. Мы слабо можем опираться на тот дух и смысл, которыми до революции жила наша городская интеллигенция, простые жители губернии, на те ценности и нормы жизни, которые они утверждали...» (Ж., 48 л., ф. 38, л. 53).

Респонденты, считающие, что в советский период истории страны произошел культурный

разрыв, имеют свою гражданскую позицию: в их ответах присутствует мотив коллективной вины. Революция 1917 года и события, вызванные ею, оцениваются ими как катастрофа:

«Катастрофа 1917 года привела к постепенной деградации и утрате исторического облика нашей страны. Жалко, что не все это знают, понимают и осознают. Преодолеть это историческое, духовное и культурное беспамятство можно только через покаяние» (Ж., 30 л., ф. 38, л. 32).

Респонденты, давшие такие ответы, считают, что Россия должна пройти через коллективное покаяние за преступления, совершенные в XX веке советской властью.

Периоды мирной жизни церкви и последующего гонения на нее противопоставляются в ответах как культура / одичание, культура / деградация. О последствиях гонения на церковь эта часть респондентов говорит: «Город погружался в культурное одичание». Часть респондентов, имеющих развитую локальную идентичность, испытывает ностальгию по утраченному городу. Свято-Троицкий собор они называют духовным центром губернского города, считают, что факты региональной истории позволяют глубже понять историю страны и судьбу всей нации, «поэтому вычеркивать и забывать о них нельзя, надо учиться на исторических ошибках и идти дальше» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 4). В рассказах этой части респондентов появляется мотив общего греха и общей вины.

Акторами святотатства в нарративах чаще является молодежь, комсомольцы. Осквернители в устных рассказах выступают как маргиналы, им придаются признаки демонического существа. Рассказчики называют их мракобесами. Нарративы о святотатстве, записанные от воцерковленных респондентов, включают в себя мотив преследования Божьих людей.

Во второй половине 1980-х годов в стране меняется политика памяти, происходят демократические перемены, раскрываются белые пятна истории, что находит отражение в исследований, СМИ и фольклорно-речевом религиозном дискурсе. После 1988 года происходит увеличение количества православных культовых построек: церквей, часовен, поклонных крестов. В последние три десятилетия количество церквей в Архангельской области значительно выросло. Появление культовой постройки для жителей населенных пунктов Архангельской области – событие, которое активизирует религиозную жизнь, влияет на коллективную память, актуализирует проблемы религиозной идентификации, а также находит отражение в истории города.

Практически все опрошенные нами жители Архангельска, независимо от уровня знаний об истории города, своих религиозных убеждений и воцерковленности, отрицательно относятся к событиям, связанным с разрушением и осквернением культовых сооружений. Приведем несколько типичных ответов:

«Данные события я оцениваю отрицательно, так как человек верующий. Произошли данные события по вине советской власти» (Ж., 33 г., ф. 38, л. 6).

«Отношусь плохо к самому уничтожению церкви после революции. Считаю, что такой разгром и бесчинства, столько смертей никому не были нужны» (Ж., 27 л., ф. 38, л. 1).

«Жаль, что уничтожены были памятники культуры и искусства, именно как объект материальной культуры, а не как культовый объект, то есть мне жаль, что уничтожили произведение искусства, именно такая позиция у меня по вопросу уничтожения храмов, а не религиозная» (Ж., 26 л., ф. 38, л. 7).

Ответы верующих респондентов в редуцированном виде содержат мотив наказания святотатцев. В ответах атеистов история уничтожения храмов оценивается с культурных позиций как проявления вандализма. Все респонденты называют в качестве виновника гибели храмов советскую власть, меньшая часть из них демонстрирует традиционные мифологические представления, связанные с тем, что кара неминуемо настигнет святотатца, но большая часть выпускает в своих рассказах эту часть мотива. В ряде ответов незнание информации заменяется экспрессивной оценочной лексикой: *разгром, бесчинства и др.* и сентенциями: *«столько смертей никому не были нужны»*.

В фольклорно-речевой практике жителей г. Архангельска существуют нарративы о чудесных знаках и знамениях, сопровождавших восстановление храмов. В них, как правило, указывается на сакральный статус места, на котором вновь строятся культовые сооружения, что подтверждается каким-либо божественным знаком. Например, в пригородной деревне Лявле, по рассказам старожилов, во время восстановления Успенской церкви в алтаре начал бить источник, исчезнувший после ее закрытия. Подобные рассказы являются противоположностью нарративам о разрушении храмов. Основным их мотивом является мотив благословения свыше места, на котором возрождается святыня. Источник в Успенском храме Лявли появился в 2003 году, сейчас он бьет рядом с ним, но на иконах в храме часто появляются капли.

Коммуникативная память распространяется на три поколения. Нарративы о разрушении храмов не являются частью этой памяти для боль-

шинства жителей г. Архангельска, а относятся к культурной памяти, сформированной под влиянием научного и краеведческого дискурсов. Предпринятое исследование привело нас к следующим выводам. В Архангельске, по сравнению с другими регионами, традиция религиозного нарратива имеет ограниченное распространение, несмотря на грандиозный масштаб разрушения культовых сооружений. Свято-Троицкий кафедральный собор стал для жителей Архангельска символом, к которому прикрепляются воспоминания.

В современной культурной традиции мы наблюдаем трансформацию исторических дискурсов и форм презентации памяти. Отсутствие знаний по интересующим нас вопросам демонстрируют ответы студентов первого курса Архангельского колледжа культуры и искусства и филологического факультета Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета – почти на все вопросы они ответили отрицательно. Их мы отнесли к группе неофитов – многие из них приехали в Архангельск из различных районов Архангельской области. Отдельную группу составили ответы членов «Преображенского братства» г. Архангельска. Независимо от возраста, их ответы отличались знанием местной истории и глубиной ее осмысливания. Члены братства, в отличие от других исполнителей, проходили специальную подготовку. Они занимаются просветительской деятельностью, проводят лекции, посвященные судьбе церкви в периоды ее гонения и потаенного существования, организуют гражданскую акцию памяти жертв политических репрессий «Возвращение имен», передвижные выставки о судьбах репрессированных священников и др. Еще одну (самую меньшую) группу составили старожилы г. Архангельска, которые узнали эту информацию в процессе коммуникации от своих старших родственников.

Проведя исследование архангельского религиозного рассказа, мы сделали вывод о том, что идеология советского времени привела к тому, что в советский период истории люди потеряли уважение к культуре своих предков, оказался разрушен и сам культ предков, лежавший в основе народной культуры, о чем свидетельствует осквернение прихрамовых могил, некрополей и последующая утрата памяти об этих событиях. Ответы наших респондентов демонстрируют, что рассказы о разрушении храмов утратили свою актуальность, что разрыв культурной традиции был обеспечен десятилетиями антирелигиозной деятельности, умолчанием информации старшим

поколением архангелогородцев и недостаточной просветительской деятельностью культурных и образовательных организаций и деятелей г. Архангельска.

Разные поколения исполнителей демонстрируют различные ценностные ориентиры. Поколением, явившимся свидетелем разрушения храмов, осквернение церкви осознается как грех. Это представление оно смогло передать своим потомкам, хотя многие из них уже не являются верующими людьми, но при этом сохранили религиозное речевое поведение. Рассказчики не только воспроизводят ситуацию того времени, но и сопрягают ее с последующими временами и будущим поколений. Рассказы о святотатстве более молодых поколений (прежде всего родившиеся после 1950 года) потеряли эту оценочность, они воспроизводят ценности, связанные с советским периодом жизни, отрицавшим религию и относящим ее к области суеверий и предрассудков. Свято-Троицкий кафедральный собор превратился в своеобразное «место памяти», которое обеспечивает единство архангельского сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое исследование позволяет проследить динамику массовых представлений. Религию нельзя отрывать от социального и культурного опыта людей. В 1920–1930-е годы в стране официальной политикой становится

воинствующий атеизм, о чем свидетельствует анализ публикаций в архангельских СМИ того периода. Высмеивание и оскорблении верующих превращается в настоящий ритуал. Во второй половине 1980-х годов в стране меняется политика памяти. Перестройка политической и общественной жизни затронула сферу отношений государства и церкви. Государство отказалось от антирелигиозной политики, а это привело к тому, что табуированная ранее фольклорно-речевая традиция религиозного характера перестала скрываться.

Религиозные нарративы являются частью культурной памяти архангельского сообщества, но их анализ свидетельствует о том, что они оказались вытеснены на ее периферию и заменены ценностями советского периода, в то же время появление новых культовых объектов актуализировало потребность части местного сообщества в получении информации об истории архангельских храмов. Исследование позволило сделать вывод о том, что местные музеи, учителя, учебники, культурные и образовательные учреждения не оказывают большого влияния на знания жителей г. Архангельска о своей культуре. Исключение составили респонденты, являющиеся членами «Преображенского братства», которые хорошо знают историю своего города и церкви. Они присутствуют во всех возрастных группах исполнителей, выделенных нами.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 18-412-290002 р_а «Нarrативы о разрушении православных церквей и культовых сооружений в современной фольклорной традиции Архангельской области».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Усков В. В. Город Архангельск. Исторические заметки о церквях и зданиях с приложением планов и видов. Архангельск, 1902.

² Первым антирелигиозным документом явился декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 года и вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 года. Циркуляры, ограничивающие и преследующие деятельность церкви, выходят почти ежегодно. Циркуляром НКВД СССР об усилении агентурно-оперативной работы по «церковникам и сектантам» от 17 марта 1937 года предписывались меры, направленные на внесение раскола в церковные общины, ослабление материальной базы церкви, затруднение участия в выборах и т. д. Постановлением Совнаркома СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 года служители культа причислялись к «кулакам». Священнослужители стали одним из субъектов Приказа НКВД № 00447, послужившего началом Большого террора. Борьба с церковью продолжилась в 1960-е годы. В январе 1960 года ЦК КПСС принял закрытое постановление «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах».

³ Окладников А. Антирелигиозная пропаганда в деревне (Архангельская губерния) // Антирелигиозник. 1928. № 4. С. 70.

⁴ Хроника. Закрытие молитвенных домов // Антирелигиозник. 1929. № 3. С. 95.

⁵ Архив Архангельского областного краеведческого музея (АОКМ КП- / П 26098, 5318, 11759 и др.); Мезенский муниципальный архив (Ф. 48. Д. 9. Оп. 1. 144 л.).

⁶ АОКМ КП-26098 / 1 п; КП-5310 / 1, 2, 3 п; АОКМ. Оп. 3. Д. 36. № 2.

⁷ Построим дом культуры на месте кафедрального собора // Волна. 1928. 14 сент.; Сотни рабочих за ДК // Волна. 1928. 25 сент.

⁸ Очаг дурмана рушится. Разборка крыши собора // Волна. 1928. 25 сент. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Сотни рабочих за ДК // Волна. 1928. 25 сент.

¹¹ Попов А. Н. Гибнут памятники уникальные: Письмо из 1926 года / Публ. Ю. В. Дойкова // Правда Севера. 2001. 24 мая. С. 10.

¹² Постановление ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929.

¹³ В 1929 году постановлением ВЦИК из Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области был образован Северный край с центром в г. Архангельске.

¹⁴ Коллекция его снимков хранится в Архангельском краеведческом музее. АОКМ КФОФ 769 / 1-28.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архангельский кафедральный Свято-Троицкий собор. 1709–1929 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arhispovedniki.ru/library/research/5554/> (дата обращения 12.01.2020).
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Бардиева Ю. П. Пропаганда на европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2011. Вып. 3. С. 42–49.
- Бусиких Ю. «Кара Божья» и «Чудо Господнее» в рассказах об осквернении святынь в текстах современной украинской крестьянской традиции // Acta Baltico-Slavica. 38. Warszawa, 2014. С. 263–278. DOI: 10.11649/abs.2014.014
- Габдулова Н. Н. Культурное пространство провинциального города // Труды Псковского политехнического института. 2007. № 11.1. С. 40–43.
- Давыдова А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 11–15. С. 24–32. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32
- Давыдова А. С. Церковь в культурном пространстве малого арктического города // Труды Кольского научного центра РАН. 2016. № 8–10 (42). С. 145–152.
- Давыдова А. С., Разумова И. А. Новые культовые объекты в оценках и интерпретациях жителей Кировского и Апатитского районов // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7 (33). С. 171–183.
- Добровольская В. Е. Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30 / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб., 1999. С. 500–512.
- Дранникова Н. В. Архангельские церкви и святые в устных рассказах горожан // Рябининские чтения – 2015: Материалы VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 35–38.
- Дранникова Н. В. Культовые объекты Архангельска в современных городских легендах // Фольклор в культуре повседневности: Сб. ст. / Науч. ред. Н. И. Жулanova, Л. В. Фадеева; Отв. ред. Т. Н. Суханова. М.: ГИЙ, 2019. С. 231–241.
- Дранникова Н. В. Соловки в устной религиозной прозе жителей г. Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 49–57.
- Зенкин С. Н. Микроистория и филология // Казус: индивидуальное и уникальное в истории 2006 / Под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М.: Наука, 2007. С. 365–377.
- Литягин А. А., Тарабукина А. В. Специфика исследования культуры малых городов // Живая старина. 2001. № 1. С. 12–13.
- Мороз А. Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych. Lublin, 2014. С. 187–195.
- Мороз А. Б. Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российской православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 6. М., 2000. С. 177–185.
- Неклюдов С. Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: Сборник к 60-летию А. К. Байбурина / Ред. Н. Б. Вахтин, Г. А. Левинтон. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2007. С. 77–86.
- Нора П. Проблематика места памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- «Обо всем, что совершилось тут»: Воспоминания, материалы о репрессированных жителях Судостроительного Молотовска и о репрессированных родственниках жителей Архангельска и Северодвинска / Сост. Г. В. Шаверина. Архангельск, 2017. 240 с.
- Панченко А. А. Почему родился черт: сюжет о коммунисте-святотатце, новорожденные монстры и границы религиозной дидактики // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 252–287. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
- Попова Л. Д. Архангельск: Очерки истории строительства (конец XVI – начало XX в.). Архангельск, 1994. 158 с.
- Попов А. Н. Гибнут памятники уникальные: Письмо из 1926 года / Публ. Ю. В. Дойкова // Правда Севера. 2001. 24 мая. С. 10.
- Портelli А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории / Авт. введения, сост. и переводчик М. В. Лоскутова. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 32–51.

24. Священники – мученики града Архангельска: Доклад протоиерея Александра Козарика, благочинного г. Архангельска, наместника Никольского храма Архангельска на VII Иоанновских образовательных чтениях [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arh-eparhia.ru/publications/23290/> (дата обращения 12.01.2020).
25. Смиланская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М.: Индрик, 2003. 464 с.
26. Фадеева Л. В. Рассказы о поругании святынь в исторической памяти северорусской деревни (конец XX – начало XXI века) // Человек и событие в исторической памяти: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 89–103.
27. Хальбакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
28. Штырков С. А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Отв. ред. А. К. Байбурина. СПб., 2001. С. 198–210.
29. Штырков С. А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.) / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб., 2006. С. 208–230.
30. Struve N. Les chrétiens en U.R.S.S. Paris, 1963. 374 p.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Natalia V. Drannikova, Doctor of Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
n.drannikova@narfu.ru

ARKHANGELSK COMMUNITY CULTURAL MEMORY ABOUT THE DEMOLITION AND DESECRATION OF RELIGIOUS BUILDINGS DURING THE SOVIET ERA*

The aim of the article is to explore the phenomenon of Arkhangelsk residents' cultural memory about the demolition of the Orthodox religious objects (by studying oral and written sources); to identify the main cultural meanings and interpretations of these events; and to analyze the influence of modern forms of memory implementation on collective visions or perceptions and their translation to folklore and speech practice. The study used the anthropological approach, was based on the interdisciplinary principle, and traced the dynamics of mass perceptions. Religious narratives are part of the modern cultural memory of Arkhangelsk residents. The analysis suggests that the religious narratives are located on the periphery of local community cultural memory, being replaced by the values of the Soviet period, but the emergence of new religious objects invoked the need to obtain information about the history of Arkhangelsk churches in some of the local community members.

Keywords: cultural memory, academic publications, local history discourse, religious narrative, sacrilege, God's punishment, mass perceptions, communicative memory

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the government of Arkhangelsk region as part of the Project No 18-412-290002 p_a “Narratives on Demolition of Orthodox Churches and Religious Buildings in Modern Folklore Tradition of the Arkhangelsk Region”.

Cite this article as: Drannikova N. V. Arkhangelsk community cultural memory about the demolition and desecration of religious buildings during the Soviet era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 6. P. 100–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.522

REFERENCES

1. Arkhangelsk Holy Trinity Cathedral. 1709–1929. Available at: <http://arhispovedniki.ru/library/research/5554/> (accessed 12.01.2020). (In Russ.)
2. Assmann Ya. Cultural memory: script, recollection, and political identity in early civilizations. Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)
3. Bardileva Yu. P. Anti-religious teaching in the European North of Russia on the materials of the magazines *Antireligioznik* and *Bezbozhnik* (1925–1941). *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2011. Issue 3. P. 42–49. (In Russ.)
4. Bulyshch Yu. “Lord’s punishment” and “Lord’s miracle” in the oral stories about the violation of sanctities in the texts of contemporary Ukrainian rural tradition. *Acta Baltico-Slavica*. 38. Warszawa, 2014. P. 263–278. (In Russ.) DOI: 10.11649/abs.2014.014
5. Gabdulova N. N. Cultural space of a provincial town. *Proceedings of Pskov Polytechnic Institute*. 2007. No 1.1. P. 40–43. (In Russ.)
6. Davydova A. S. Sacral and profane elements in the space of Arctic towns. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No 11–15. P. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32

7. Davydova A. S. A church in the space of a small Arctic town. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2016. No 8–10 (42). P. 145–152. (In Russ.)
8. Davydova A. S., Razumova I. A. New cult object in the evaluation and interpretation of Kirovsk and Apatity residents of areas. *Proceedings of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No 7 (33). P. 171–183. (In Russ.)
9. Dobrovolskaya V. E. Non-fairytale prose about the demolition of churches. *Russian folklore: Materials and research*. Vol. 30. 1999. P. 500–512. (In Russ.)
10. Drannikova N. V. Arkhangelsk churches and saints in the oral stories of the city dwellers. *Ryabinin Readings – 2015: Proceedings of the VII Conference on the Cultural Heritage of Russian North*. (T. G. Ivanova, Ed.). Petrozavodsk, 2015. P. 35–38. (In Russ.)
11. Drannikova N. V. Arkhangelsk religious buildings in the contemporary urban legends. *Folklore in everyday culture: Collection of articles*. (N. I. Zhulanova, L. V. Fadeeva, Eds.). Moscow, 2019. P. 231–241. (In Russ.)
12. Drannikova N. V. Solovki in oral religious prose of Arkhangelsk citizens. *Traditional Culture*. 2015. No 4. P. 49–57. (In Russ.)
13. Zenkin S. N. Microhistory and philology. *Casus: the individual and the unique in history* 2006. (M. A. Boytsov, I. N. Danilevsky, Eds). Moscow, 2007. P. 365–377. (In Russ.)
14. Lityagin A. A., Tarabukina A. V. The specifics of studying the culture of small towns. *Zhivaya Starina*. 2001. No 1. P. 12–13. (In Russ.)
15. Moroz A. B. Demolition of churches in the Soviet period: two views. *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych*. Lublin, 2014. P. 187–195. (In Russ.)
16. Moroz A. B. Oral history of the Russian Orthodox Church during the Soviet period (folktales about the demolition of churches). *Proceedings of Russian Orthodox University of the Apostle John the Theologian*. Issue 6. Moscow, 2000. P. 177–185. (In Russ.)
17. Nechayudov S. Yu. Notes about “historical memory” in folklore. *AB-60. Collection of articles commemorating the 60th anniversary of A. K. Bayburin*. (N. B. Vakhtin, G. A. Levinton, Eds.). St. Petersburg, 2007. P. 77–86. (In Russ.)
18. Nora P. Problems of sites of memory. *France-memory*. St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
19. “About everything that happened here”: Memories, materials about the repressed residents of Sudostroy-Molotovsk, and the repressed relatives of the residents of Arkhangelsk and Severodvinsk. (G. V. Shaverina, Ed.). Arkhangelsk, 2017. 240 p. (In Russ.)
20. Panchenko A. A. Why was a baby Devil born: the legend about a blasphemous communist, monstrous births, and the limits of religious didactics. *Studia Litterarum*. 2018. Vol. 3. No 2. P. 252–287. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-2-252-287
21. Popova L. D. Arkhangelsk: Sketches on the history of construction (late XVI – early XX centuries). Arkhangelsk, 1994. 158 p. (In Russ.)
22. Popov A. N. Unique monuments are disappearing: Letter from 1926. (Yu. V. Doykov, Publ.). *Pravda Severa*. 2001. 24 March. P. 10. (In Russ.)
23. Portelli A. The peculiarities of oral history. *Anthology of oral history*. (M. V. Loskutova, Foreword, Comp., Transl.). St. Petersburg, 2003. P. 32–51. (In Russ.)
24. Martyr priests of Arkhangelsk City. Available at: <http://arh-eparhia.ru/publications/23290/> (accessed 12.01.2020). (In Russ.)
25. Smilanskaya E. B. Magicians. Blasphemers. Heretics. Folk religiosity and “spiritual crimes” in eighteenth-century Russia. Moscow, 2003. 464 p. (In Russ.)
26. Fadeeva L. V. Narratives about sacrileges in the historical memory of northern Russian villages (late XX – early XXI centuries). *People and events in historical memory*. Syktyvkar, 2017. P. 89–103. (In Russ.)
27. Halbwachs M. Social frames of memory. Moscow, 2007. 348 p. (In Russ.)
28. Shtyrkov S. A. Punishment of blasphemers: a folklore motif and a narrative scheme. *Proceedings of the Department of Ethnology*. Issue 1. (A. K. Bayburin, Ed.). St. Petersburg, 2001. P. 198–210. (In Russ.)
29. Shtyrkov S. A. Narratives about sacrifice of sacred places. *Traditional folklore of the Novgorod region. Issue 1. Proverbs and sayings. Riddles. Superstitions and beliefs. Children's folklore. Eschatology (using records from 1963–2002)*. St. Petersburg, 2006. P. 208–230. (In Russ.)
30. Struve N. Les chrétiens en U.R.S.S. Paris, 1963. 374 p.

Received: 25 March, 2020